

Н. Долинина

Мужество

В первой же главе — точнее, в первой же фразе о войне 1805 года Толстой вполне отчетливо дал понять, что война эта не нужна ни австрийскому, ни русскому народу и тем отличается от будущей Отечественной войны 1812 года.

В учебнике истории мы читаем, что такие войны называются несправедливыми, в отличие от справедливых войн, когда народ встает на защиту своей Родины.

Так почему же тогда нам все-таки важно знать, что и в этой войне наши предки с честью выдержали натиск французов, и горько нам будет читать о позоре Аустерлица, и мы так радуемся, узнав о мужестве русских солдат, признанном самим Наполеоном?

По многим причинам, и одна из них — та, что война 1805 года оказалась подготовкой, проверкой перед другой войной, когда речь шла о судьбе нашей страны. И еще потому, что существует понятие долга; оно может быть недоступно Жеркову, но его знает Долохов, не говоря уж о князе Андрее и Денисове, и Багратионе, и тысячах людей, пришедших к Шенграбену с сознанием, что их долг — сражаться с французами на австрийской земле, поскольку они — солдаты и офицеры государства, вступившего в войну с Наполеоном.

И, наконец, потому, что война 1805 года оказалась очень важным событием в жизни героев романа; каждый из них придет на этой войне к выводам, важным, казалось бы, только для него — но эти выводы важны и для Толстого, и для нас. Особенно это заметно, если задуматься о поведении Николая Ростова.

Первым «делом» Ростова была переправа через Энс, где он хотел одного: показать всем, и в особенности полковому командиру, которого он еще вчера собирался вызвать на дуэль из-за истории с Теляниным, — показать всем свою храбрость. Он боялся только отстать от солдат, быть незамеченным, не броситься в глаза своей храбростью. Опасности он еще не чувствовал, не понимал, бежал посреди моста и добился этим только сердитого окрика полкового командира.

Но потом, когда вокруг стали падать люди, а «рубить (как он всегда воображал себе сражение) было некого», Ростов вдруг увидел кровь и услышал стоны, и понял, что его тоже могут убить, и взмолился: «Господи боже! Тот, кто там, в этом небе, спаси, прости и защити меня!»

Ему стало нестерпимо стыдно. «Все кончилось; но я трус, да, я трус», — подумал Ростов.

Нет, он не трус — уже потому, что боится быть трусом и стыдится своего страха, и хочет преодолеть его. Денисов и остальные понимают «то чувство, которое испытал в первый раз необстрелянный юнкер», — каждый из них когда-то испытал то же самое...

В бою под Шенграбеном Ростов сначала чувствует уже знакомое ему напряженно-счастливое оживление, ему не терпится, он бросается вперед, ему становится все веселее и веселее...

«Ох, как я рубану его», — думал Ростов. — «Ну, попадись теперь кто бы ни был...»

Но вот началась атака — лошадь под ним убита, и все солдаты уже впереди, а он один стоит посреди поля, рука его неподвижно повисла, навстречу ему бегут люди. «Они мне помогут!» — думает он и вдруг узнает в них французов.

Вот здесь в Ростове просыпается ужас. То, что он думает в эти страшные минуты, очень понятно: «Кто они? Зачем они бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? *Меня*, кого так любят все?»

«Он схватил пистолет и, вместо того чтобы стрелять из него, бросил им в француза и побежал к кустам что было силы. Не с тем чувством сомнения и борьбы, с каким он ходил на Энский мост, бежал он, а с чувством зайца, убегающего от собак. Одно нераздельное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владело всем его существом».

Так что же, на самом деле, он трус, хуже которого нет? Может быть, именно Николай Ростов, «с чувством зайца, убегающего от собак», несущийся к кустам, точнее всего покажет нам, что мужество не просто, что нельзя судить о человеке сплеча, с размаху... Мы увидим в следующих главах, как он станет храбрым офицером. Не сразу рождается мужество, и та простая схема, по которой хотел жить Ростов: беги, руби, весело, вперед, я не дипломат; ох, и рубану — эта простая схема неосуществима.

Потому что у человека и в самом деле одна жизнь; ему очень жаль расставаться с ней, и чувство самосохранения, свойственное всему живому, сильно в каждом человеке. Так естественны мысли Ростова: Меня убьют? «Меня, кого так любят все?» — и сам он любит себя, здорового, молодого, жаждущего жизни, веселья, любви...

Много позднее Ростов научится преодолевать и страх, и чувство самосохранения. Но уже сейчас он хочет, он старается быть смелым. Залогом его будущей храбрости станет короткая мысль: «Да, я трус». Если человек имеет мужество назвать себя трусом, то рано или поздно он преодолеет страх. Вот Жерков не анализирует своих поступков и ничего не стыдится, когда скачет что есть сил оттуда, где опасно.

В главах, рисующих Шенграбенскую битву, мы по-новому узнали всех, с кем были знакомы раньше. Но одного человека мы узнали здесь впервые.

Вот он сидит, сняв сапоги, в одних чулках, в палатке маркитанта — маленький, грязный и худой артиллерийский офицер, капитан Тушин. «Большими, умными и добрыми глазами» он смотрит на вошедших начальников, конечно, недовольных его видом, и пытается шутить: «Солдаты говорят: разумись ловчее», — и смущается, чувствуя, что шутка не удалась.

Толстой делает все, чтобы капитан Тушин предстал перед нами в самом негероическом, даже смешном виде. И князь Андрей замечает в фигурке (даже не в фигуре) артиллериста «что-то особенное, совершенно не военное, несколько комическое, но чрезвычайно привлекательное».

Но этот смешной человек окажется героем, и князь Андрей справедливо скажет о нем: «Успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина с его ротой».

Когда Мюрат уже приказывает зарядить пушки, капитан Тушин, не подозревая об этом, сидит в балагане с офицерами и рассуждает о том, что ждет нас после смерти. Князь Андрей, проезжая мимо, останавливается, потому что «звук голосов из балагана поразил его таким задушевным тоном, что он невольно стал прислушиваться». Этот тон определяет, конечно, Тушин с его приятным голосом, с его манерой называть собеседника голубчиком. И вот что он говорит: «Коли бы возможно было знать, что будет после смерти, тогда бы и смерти из нас никто не боялся... *А все боишься...* Боишься неизвестности, вот чего. Как там ни говори, что душа на небо пойдет... ведь это мы знаем, что неба нет, а есть атмосфера одна».

Этот разговор не был закончен: «в воздухе послышался свист...» Началось сражение, и первым выскочил из балагана капитан Тушин.

В бою он выглядит так же негероически, как до боя. «*Небольшой сутуловатый человек, офицер Тушин, спотыкнувшись на хобот, выбежал вперед, не замечая генерала и выглядывая из-под маленькой ручки.*

— Еще две линии прибавь, как раз так будет, — закричал он *тоненьким голоском...* — Второе, — пропищал он. — Круши, Медведев!

Багратион окликнул офицера, и Тушин, *робким и неловким движением*, совсем не так, как салютуют военные, а *так, как благословляют священники*, приложив три пальца к козырьку, подошел к генералу».

Но этот маленький спотыкающийся человек, поразмышляв о бое так же, как он размышлял о смерти, «посоветовавшись с своим фельдфебелем Захарченком, к которому имел большое уважение, решил, что хорошо было бы зажечь деревню», и зажег ее, и именно это остановило французов.

Пока два полковых командира показывали друг другу свою храбрость, пока Жерков искал генерала там, где его не могло быть, пока Долохов призывал начальника «попомнить» его подвиги, капитан Тушин, «оглушаемый непрерывными выстрелами, *заставлявшими его каждый раз вздрагивать...* бегал от одного орудия к другому, то прицеливаясь, то считая заряды... и покрикивал своим *слабым, тоненьким, нерешительным голоском...* Солдаты, большею частью красивые молодцы (как и всегда в батарейной роте, на две головы выше своего офицера...), все, как дети... смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах».

Тушин в бою нисколько не меняется: он по-прежнему склонен размышлять, движения его неловки, он вздрагивает от звуков выстрелов, но здесь его мысли приобретают другой характер.

Он уже не думает о смерти: «мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову». Но «у него в голове установился свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту».

Французские пушки представляются ему трубками, снаряды — мячиками, французы — муравьями; свою большую пушку он называет Матвеевной, а самого себя он видит «огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра».

Так что же такое героизм и что это значит: мужество, если героем оказывается маленький, пугливый, слабый человек, только воображающий себя сильным мужчиной?

Толстой прошел осаду Севастополя и знал войну. Он знал: те лгут, кто говорит, что ничего не боятся. Боятся все, но не все умеют победить свой страх, а мужество в том и заключается, чтобы, вздрагивая от выстрелов, не бежать оттуда, где опасно, но делать свое дело.

Всегда очень обидно читать, как накидывается на Тушина штаб-офицер, добравшийся, наконец, до него с приказом отступить: «Что вы, с ума сошли?..» Не потому обидно, что он кричит на Тушина, а потому, что Тушин пугается его и не может победить этого своего страха.

«— Ну, за что они меня?.. — думал про себя Тушин, со страхом глядя на начальника.

— Я — ничего... — проговорил он, приставляя два пальца к козырьку. — Я...»

К счастью, в это время близко пролетело ядро, штаб-офицер поворотил лошадь и поскакал прочь, а вместо него приехал князь Андрей. «Он передал приказание и не уехал с батареи».

Тушин вздрагивает от выстрелов — и делает свое дело. Князь Андрей тоже «почувствовал, как нервическая дрожь пробежала по его спине. *Но одна мысль о том, что он боится, снова подняла его.* «Я не могу бояться», — подумал он и медленно слез с лошади между орудиями».

Они очень разные, Тушин и князь Болконский. В мирной жизни между ними нет ничего общего, и гордый князь, может быть, не снизошел бы до разговора с артиллерийским капитаном, да и негде было бы им встретиться. Но здесь, сведенные вместе войной, они молча делают свое дело: «Оба были так заняты, что, казалось, и не видели друг друга». Здесь они похожи тем главным, чего требует война от человека, осознанной князем Андреем и не осознанной Тушиным мыслью: «Я не могу бояться», умением победить свой страх.

И Тушин чувствует это единство. Когда все кончилось и князь Андрей протянул ему руку, Тушин говорит те же слова, какие сказал бы своему фельдфебелю Захарченко.

«— До свидания, голубчик, — сказал Тушин, — милая душа! прощайте, голубчик, — сказал Тушин со слезами, которые неизвестно почему вдруг выступили ему на глаза».

Слезы эти понятны. Кончился взлет страшного напряжения, кончился его Тулон, больше не нужно быть героем, и он опять превратился в маленького робкого человека.

Таким он и стоит перед Багратионом в тесной избе, где собралось все начальство; на бедного капитана устремлено столько глаз — немудрено, что он споткнулся о древко взятого сегодня французского знамени и вызвал смех, причем «громче всех слышался голос Жеркова».

Читать эту сцену горько, и стыдно, и страшно: почему же так? Почему трус Жерков сидит здесь и смеется громче всех, а герой Тушин, дрожа, стоит перед Багратионом, едва имея силы выговорить: «Не знаю... ваше сиятельство... людей не было, ваше сиятельство».

Невольно вспоминается еще один герой Шенграбенского сражения, знакомый нам со смотра в Браунау. Здесь он появился в ту самую минуту, когда солдаты поддались панике и побежали...

«Все казалось потеряно. Но в эту минуту французы, наступавшие на наших, вдруг, без видимой причины, побежали назад, скрылись из опушки леса, и в лесу показались русские стрелки. Это была рота Тимохина, которая одна в лесу удержалась в порядке и, засев в канаву у леса, неожиданно атаковала французов. *Тимохин с таким отчаянным криком бросился на французов и с такою безумною и пьяною решительностью, с одной шпажкой, набежал на неприятеля, что французы, не успев опомниться, побросали оружие и побежали*».

Только благодаря Тимохину русские имели время опомниться: «Бегущие возвратились, батальоны собрались...»

Так вел себя в бою тот самый Тимохин, который на смотре в Браунау «все больше и больше прижимал свои два пальца к козырьку, как будто в одном этом прижимании он видел теперь свое спасение».

Так что же такое мужество, если храбрец, которого еще с Измаила запомнил Кутузов, оставаясь храбрецом в бою, вытягивается перед начальством, дрожа от страха, и капитан Тушин, не думавший об опасности под вражескими ядрами, теряет дар речи, стоя перед Багратионом?

Мужество разнообразно. И есть немало людей, безудержно храбрых в бою, теряющих свою храбрость в будничной жизни. Их поведение не всегда можно назвать трусостью; тут другое. На поле боя человек знает, как он должен себя вести и что от него требуется. В обычной жизни случается иное: именно то, что человек должен сделать, повинувшись своей совести, может вызвать недовольство других людей.

Вот чье мужество в бою и в штабе одинаково — это князь Андрей. Он и здесь может приказывать себе: «Я не могу бояться»; он одно знает: как отступить в бою, так и промолчать перед начальством — значит унижить свое человеческое достоинство, потому и заступает за Тушина.

«— Вот спасибо, выручил, голубчик, — сказал ему Тушин», и князю Андрею стало грустно и тяжело, как грустно и тяжело было нам читать о вызове Тушина к Багратиону

Мы еще раз встретимся с Тушиным в госпитале, где он выйдет нам навстречу с пустым рукавом, потому что потеряет руку в одной из следующих битв. Больше мы уже не увидим его на страницах романа, но навсегда запомним то, чему он научил нас: если хочешь стать храбрым, задача не в том, чтобы не бояться. Нужно только знать: бояться стыдно, на это я не имею права; я должен преодолеть свой страх, я не могу поступить иначе. Вот эта невозможность поступить иначе и называется мужеством.